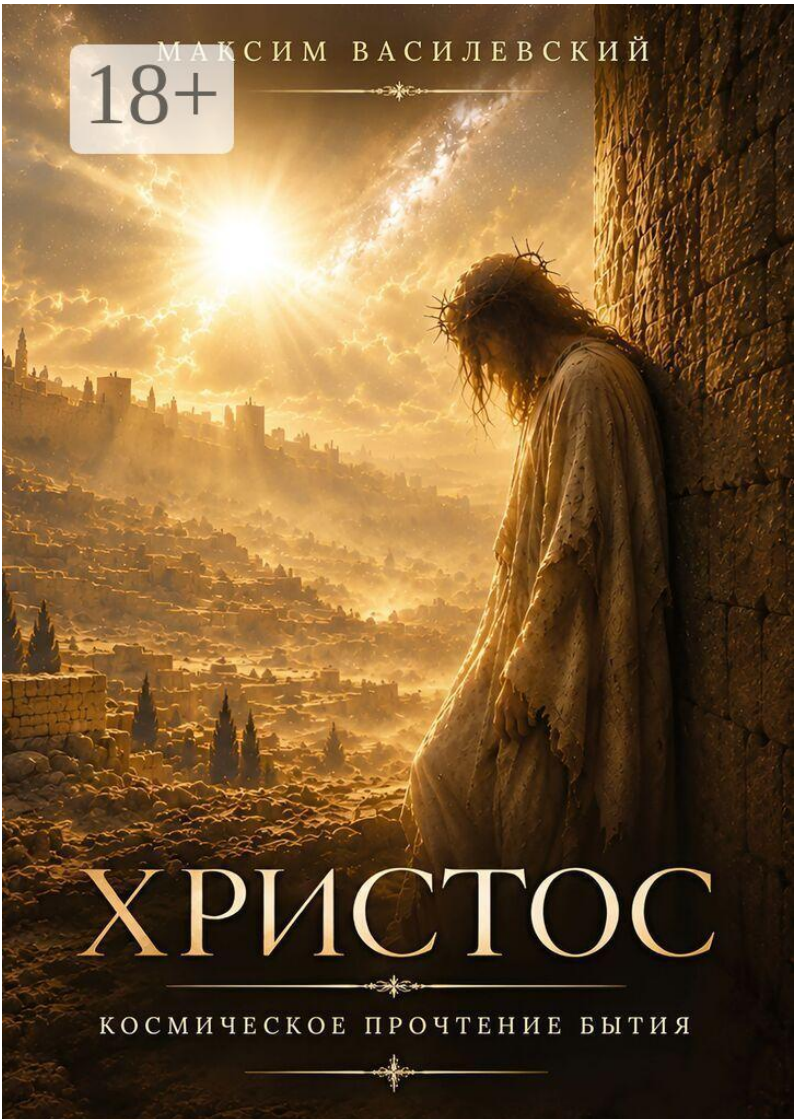
МАКСИМ ВАСИЛЕВСКИЙ
18+
ХРИСТОС
КОСМИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ БЫТИЯ

Максим Василевский

Христос. Космическое прочтение бытия

https://litres.ru/74985777
ISBN 9785007140522

Аннотация

«Христос. Космическое прочтение бытия» — мистико-богословское путешествие от привычных представлений о Боге к встрече с живым Христом. Через тайну Воплощения, внутреннее рождение Слова, Евхаристию, Крест и обожение автор раскрывает Христа как событие, изменившее не только человека, но всё творение. Это книга не столько о Христе, сколько о встрече с Ним — там, где заканчиваются готовые ответы и начинается тайна.

Содержание

Пролог 5
Среди слов о Боге 9
Часть 1. Откровение и дистанция 13
Кто есть Христос 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Христос. Космическое прочтение бытия

Максим Василевский

© Максим Василевский, 2026

ISBN 978-5-0071-4052-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Символом христианства является Крест. Сутью христианства является сам Христос. И не просто крест, и не просто Христос, но Христос, распятый на кресте.

Очень важно вглядеться в этот образ. Ведь неслучайно этот образ мы носим на себе, на груди близко к сердцу — Христа, распростёртого на кресте.

Надо вглядеться в его лицо. Надо вглядеться в эти кровоподтёки и в эти раны. Надо вглядеться в этот пробитый кровоточащий бок. Надо вглядеться в эти шипы, изъязвившие лицо Спасителя.

Увидеть капли холодного пота изнеможения и страдания, сбегающие по его лицу. Увидеть его кровь, струящуюся из нещадно саднящих ран. Надо вглядываться в это, надо смотреть на это.

Не надо отводить свой взгляд от этого, потому что это Тот, кого весь мир был недостоин. Тот, который сотворил весь этот мир. Тот, который создал человека. Тот, который стал человеком. Тот, который снял с себя звание сына Божьего, но стал сыном человеческим и явился людям.

И теперь после трёх лет своего служения Он умирал. И никого не было рядом с ним.? Толпа шла по своим делам. По-прежнему в храме приносились жертвы. Жизнь не замерла, когда Христос умирал, она продолжила своё течение:

люди занимались бытом и дрязгами повседневности. Фарисеи также спорили о законе. По-прежнему продавались и покупались животные в храме. По-прежнему плыли и разгружались корабли с товарами, по-прежнему шумело торжище. По-прежнему люди любили и ненавидели друг друга, рожали детей, торговали, ели, пили, радовались и горевали, враждовали и мирились. В то время как Спаситель умирал.

Нужно понять, что смерть Христа на людей, занятых «простым деланьем жизни» не произвела никакого впечатления. Единственный, кто, пожалуй, по-настоящему проникся этим распятием, оказался Иуда, который осознал вдруг, Кого он предал, и удавился.

Но люди не обратили на это внимания, как и в тот момент, когда Христа поволокли на допрос к Пилату и предали неправедному суду.

Христос перестал быть главной новостью и в дне сегодняшнем. Он ушёл с экранов телевизоров. Он ушёл из таблоидов. Он покинул новостные ленты интернет ресурсов.

Он ушёл из Памяти людей.

Медленно уходил Пётр; Из страха, из своего непонимания, сказав: я не знаю этого человека. Пётр, который говорил, что Ты мессия, Ты, Сын Бога Живого, низвёл его до уровня человека, который не стоит его слов, который не стоит его внимания и за которого он точно никогда не отдаст свою жизнь.

Все покинули его. Люди, которые рукоплескали ему. Лю-

ди, которые клали ему ветви под ноги, люди, которые провозглашали его царём Израиля, люди, которые ждали его и восторгались им, они все разбежались, им не было интересно. Не то чтобы даже они разбежались, они просто ушли: перед ними был кто-то, выдававший себя за царя, но оказавшийся не царём.

Что ощущал Христос, когда он смотрел на последних людей, окружавших его в жизни? На Магдалину, на римского воина, а, может быть, на того римского сотника, слугу которого он исцелил. На матерь свою… О чём он думал? Что переживала его душа?

Сейчас остановись и подумай об этом: это образ из последних сил цепляющегося за жизнь маленького человека, но на самом деле — образ Спасителя жизни.

Пусть Он будет у тебя перед глазами. Остановись и познай, что это Господь! Не тот Господь, который швырял камни филистимлянам, не тот Господь, который разделял Чёрное море, не тот Господь, который творил всё невозможное, но тот Господь, который уместился в маленьком человеке.

Который умалился ради нас, стал подобным нам и пришёл ради нас… И который исполнял свой собственный заветный план вхождения в тайну, вхождения в сердцевину мира, вхождения в Главное в этом мире… самое главное дело Его жизни.

Остановись. И почувствуй. Закрой глаза и смотри. Кто Он? Что Он сделал? Кем Он был? Зачем Он пришёл?

Здесь мы создадим с тобой пространство поиска и пространство встречи. И, возможно, кто-то действительно переживет эту встречу. И это самая главная цель. И это самая главная мысль. И это есть главный смысл всего, что ты будешь читать далее.

Среди слов о Боге

Мы читаем книги, молимся, слушаем проповеди, изучаем *богословие,* спорим, соглашаемся и возражаем. Мы знаем имена, даты, учения и тексты. Иногда нам кажется, что чем больше мы узнаём о Боге, тем ближе становимся к Нему.

Но однажды человек обнаруживает странную вещь: можно знать очень много о Боге и почти не знать Самого Бога, можно говорить о Нём и никогда не встретиться с Ним, можно «защищать истину» и при этом оставаться бесконечно далеким от источника истины.

И тогда возникает вопрос, который невозможно обойти: кто такой Бог? Где вообще Бог? Как его ощутить?

А Кто Он на самом деле? Почему Он скрывается, и в чем смысл этого сокрытия? Почему ни один человек в истории не мог со всей определенностью сказать: «Я знаю Бога, я видел Бога, я все понял и теперь расскажу и вам».

Бог скрывается. И одновременно открывается. Он одновременно и сокрыт, и виден, одновременно непознаваем и, вместе с тем, желающий быть узнанным, увиденным, понятым.

Бог открывает Себя постепенно. Он открывает Себя в творении мира. В священном тексте. В истории праотцов на Синае, в озарении пророков. В каждой человеческой судьбе. В истории народов. В глубинах сердца. Каждое новое откровение не отменяет предыдущее, а делает его глубже.

Словно человек поднимается на гору и с каждым шагом видит всё дальше и, в конце концов, понимает, что сколько бы он не взбирался, горизонт только убегает: ответ на вопрос и искомая истина где-то там, за этой ускользающей линией.

Этот текст о Боге, открывающем Себя человеку. Мы будем смотреть на то, как Бог открывается через Свои имена. Мы будем вслушиваться, как Бог говорит через текст. Как Он раскрывает Свой характер в истории. Как Он постепенно подготавливает человека к величайшему событию откровения — Боговоплощению.

Потому что во Христе Бог не просто сообщает нечто о Себе. Он приходит Сам.

В Иисусе откровение перестаёт быть только словом и становится Личностью.

Именно поэтому каждая встреча Христа с людьми имеет

отношение и к нам.

Слепой, Закхей, Самарянка, Лазарь, ученики — это не только люди далёкого прошлого. Это состояния человеческой души перед Богом.

Через них Христос продолжает говорить каждому человеку.

Но и Боговоплощение не является последней точкой откровения.

Через Христа человек входит в тайну ещё более глубокую — тайну Троицы: в которой откровение достигает своей вершины.

Там, где Бог открывается не только как Творец мира и Господь истории, но как вечная жизнь любви.

Эта книга не является учебником богословия.
Она не стремится дать окончательные ответы.
Скорее она приглашает читателя пройти путь.
От текста — к встрече.
От знания — к созерцанию.
От образа — к присутствию.
От размышления о Боге — к прикосновению к тайне Его

жизни.

И если в конце этого пути вопросов окажется больше, чем в начале, это не обязательно будет поражением. Потому что некоторые истины человек узнаёт не тогда, когда получает ответы, а тогда, когда начинает видеть глубину тайны, в которой живёт.

Часть 1. Откровение и дистанция

Несколько раз я писал пролог и начало этой книги, и читателям понравилось — друзьям моим понравилось, еще «кому-то моим» понравилось, но я перечитываю написанное, и снова ощущается, что Христос — за пределами всяких слов,

И тем более странно начинать разговор о Христе с его церкви.

Хотя по логике, церковь — это зачастую сейчас единственное место, где люди говорят об Иисусе. В книгах, фильмах, в разговорах за чаем или за пивом, имя Христа если и можно услышать, то только как восклицание.

Его как бы и нет. Он изъят из жизни человечества, общества, каких-то систем и помещен туда, где ему и надлежит находиться — в церковь. Именно там висят Его большие изображения, именно там темнота и ладан, и свечи, и курение, именно оттуда Его торжественно извлекают что бы совершить крестный ход или какое-иное действо, и так же торжественно возвращают обратно. На постамент, на стену, под стекло.

При этом сама церковь, по-разному воспринимая те или иные слова Христа, или активно кается и молится, или активно занимается «миссией»: поет и танцует, открывает родильные дома, строит храмы, в общем занимается всяческим активизмом — во славу Христа и, надо полагать, силой Хри-

ста. Батюшки ведут блоги о вкусной пище и самообороне, монахи поют в караоке, функционируют клубы предпринимателей и курсы финансовой грамотности, народ снаряжается и отправляется на «миссии» в Америку и на Бали, и все это функционирует, бурлит, активно строится, потребляя немалые деньги.

За всем этим невольно маячит вопрос о смысле прихода Христа и произнесении Им каких-то слов. Неужели Христос приходил для того, чтобы возникла церковь? Чтобы церковь что-то делала, куда-то шла, стоила, финансировала, пела-играла и беспрестанно говорила. Говорила всегда и везде, говорила в проповедях, в перерывах между проповедями, проповедовала, да так, что сам Христос заслушался бы иными проповедями.

«Идите и проповедуйте Евангелие всей твари, идите проповедуйте до края земли, идите, крестите народы». Вот этот призыв настолько дословно воспринят целыми слоями, целыми поколениями христиан, что в общем-то за всем этим хождением, за всем этим крещением, за всем этим проповедованием, в как-то уже и забылось, что мы проповедуем, забылось во Имя Кого мы крестим, и уже не вспоминается вовсе — зачем мы это делаем? Зачем мы это делаем?

Вот этот вопрос — «ЗАЧЕМ»?

«Зачем приходил Христос? Кто такой Бог! Где Он?» — этот вопль человека, начиная от Авраама, от Моисея, от Иова-страдальца, который сквозь тьму не мог разглядеть Бо-

га. Это вопрос Павла по дороге в Дамаск: «Кто ты, Господи? Кто ты, кто ты?» Он мучает людей, он мучает человечество.

Очень просто свести веру, Бога и христианство к «деланию», свести христианство к проповеди, свести христианство к построению зданий храмов, свести христианства к исполнению заповедей, даже свести христианство к освящению сердца или аскетике, даже свести христианство к молитве.

Можно объявить христианством построение нового мирового порядка, при котором есть христианское правительство и активно овладевать вратами власти, можно свести проповедь Христа к простому принципу «обогащайтесь святые» и утверждать, что уже заметно время, когда богатства нечестивых наконец-то перейдут к праведникам, можно даже провозглашать приближение страшного суда и готовиться к восхищению церкви. Все это в нашем мире вполне себе может называться христианством и произносится от имени Христа и церкви.

Раннее христианство занималось насаждением этого самого «христианства»: запугиванием прихожан, сожжением еретиков, крестовыми походами и религиозными войнами. Во имя веры в Бога одни люди сжигали других.

Католическая инквизиция сжигала еретиков, Русская церковь при поддержке вооруженной силы государства изгоняла и так же сжигала старообрядцев, европейские протестанты и католики, враждуя друг с другом, соревновались в

том, кто захватит больше чужих земель и поработит больше безбожных народов, как говорится «мечом и крестом». Немецкие христиане — лютеране осуществляли уничтожение неполноценных рас и наций в промышленных масштабах, а потом наслаждались церковным пением и вкушали хлеб и вино. Это тоже, надо полагать, христианство.

Если все это христианство, то неужели тот, Кто пришел во имя любви и милосердия, именем, которого названа религия, все это хотел, обо всем этом говорил и к этому призывал?

Пока мы не ответим на вопрос: «Кто такой Христос?» Пока мы не поймем, зачем вообще явился Христос, все наше «делание и служение», вся наша вера — все наше дело, будет извращено и никогда не дойдет до цели, оно всегда будет служением себе и своему ЭГО, оно не просто будет бесполезно, оно может быть вредным и опасным заблуждением.

Оно просто будет милым активизмом, ничем не лучше или не хуже всех других занятий, всех других активизмов, или всех других верований, всех других убеждений, увлечение, заблуждений.

Нам кажется, что мы поняли Христа. Церковь, особенно историческая, вполне себе претендует на то, что богословским языком, языком высокого интеллектуального стиля, на языке греческой философии сумела сформировать мнение, оформленное в догматы, которое вполне себе отвечает на

всевозможные вопросы о Боге и Его месте в мире, о человеке и о долженствовании человека.

Нам думается, что все понятно, что все просто. Надо просто прийти к Иисусу и дальше следовать по пути Иисуса. Так это называется в некоторых движениях. И для кого-то путь Иисуса — это путь исполнения заповедей, для кого-то путь Иисуса — это помощь бедным, для кого-то путь Иисуса — это суровая аскетика и самоистязание, для кого-то наоборот — пир и «финансовый успех» во славу Сына Божьего — в общем путей много, и каждый претендует на истинность, на правильность именно своего пути, и отсекает всех, кто не в нем, всех, кто не с нами, всех, кто пока еще вне нас. Поэтому-то и мы должны идти и обращать всех рядом стоящих в свою веру, чтобы они стали еще «более лучшими» христианами, еще «более хорошими» людьми.

Нет христианского движения или церкви, или даже отдельного глубоко верующего духовного человека, который был честно признался, что Христос остается непознанным.

Тем более что люди, которые видели Его, они-то вообще все видели и поняли тоже все. Странно только одно, что по дороге в Эммаус ученики шли и рассуждали о Нем и не видели Его. И Ему потребовалось «открыть им глаза», и только тогда они увидели Его.

Мудрецы читали Писание, и думали, что все знают и не увидели Его.

Императоры и епископы, люди, которые в 313 году сделали христианство господствующей государственной религией, они тоже думали, что они вполне себе поняли Христа, и поэтому Христос нуждается в утверждении на государственном уровне власти, чтобы сам император выдал Ему «бумажку, окончательную, исчерпывающую, не бумажку, а броню».

Вот они и утвердили «Его власть», и этой властью они дальше начали творить то, что вытекало из их понимания правильности, верности учения Христова. Они тоже думали, что они поняли Христа. Так поняли Христа протестанты, которые сразу после «просветления» развернули репрессии против еретиков и войны с католиками. Так же поняли Христа католики, которые развернули войну с протестантами и любыми «безбожниками». Не говоря уже про нашу историю, где традиция сжигать своих оппонентов, уничтожать их, сгонять их и превращать в рабов была очень и очень долгой, очень и очень кровавой.

А теперь мы умиляемся временами «французской булки» и «просвещённой эпохи» — эпохе крепостничества, когда христолюбивые помещики людей продавали, секли, обменивались ими, делали из них гаремы, потешные войска и потешные театры. Это ведь тоже были христиане. И нельзя просто отмахнуться и сказать, что они были номинальными христианами, что, дескать, Русь-то была крещена, но не была евангелизирована, но вот сейчас придет кто-то и поведает о настоящем Христе.

Сознаем ли мы сами, когда дерзаем говорить о том, что мы-то поняли настоящего Христа, что мы-то действительно Его поняли? И кто такой Христос? И зачем Он приходил? И как Его приход влияет на нас?

Это вечные вопросы и вечная печаль.

Иисус спросил Сам Себя: «А сын человеческий, когда придет, найдет ли веру на земле?» О какой вере Он говорил? О вере, которая двигает горы? Или о вере, которая строит храмы? Или о вере, которая евангелизирует и кормит всех? Наверное, о другой? Какая это вера?

В другом месте апостол Павел говорит имейте веру Божью. И вот, наверное, в этой корреляции между верой Божьей, обожением человека, превращением Бога в человека, вот здесь-то и кроется и загадка и разгадка.

И вглядываясь в этот образ, вглядываясь в Бога, который стал человеком, мы можем нащупать линию истиной вовлеченности, линию соприкосновения.

Тайна Боговоплощения очень многое говорит о человеке и очень многое говорит о Боге. Вернее сказать, говорит о Боге все и о человеке тоже все.

Разгадать эту тайну, направить все свои помыслы, познание, всю свою страсть и энергию на понимание вот этой тайны — только это позволит нам надеяться, что мы встретимся со Христом.

Без встречи со Христом вся наша жизнь, не только ду-

ховная, не только христианская, религиозная, вообще любая жизнь лишена смысла. Потому что мы стареем, умираем и ничего после себя не оставляем. Если кто-то говорит, что мы после себя оставляем детей, ну так ты же живешь не для того, чтобы жить в детях. Или кто-то говорит о том, что мы оставляем какие-то памятники. НО сохраняются на время единицы из них. А невообразимого числа памятников уже нет. И то же самое будет и с нашими памятниками, с нашими ценностями, с нашими домами, с нашими творениями — все ветшает, все устаревает, все меняется. Новое приходит на смену старому.

Но написано, что Бог вовеки тот же, вчера, сегодня и завтра. Он не изменяется, Он не стареет, Он остается тем, кто Он есть.

Тайна пришествия в жизнь разгадывается через Христа, тайна смерти раскрывается через Христа, тайна воскресения и вечной жизни раскрывается через Христа

И дело не в том, что мы кормим или евангелизируем, но представь себе ситуацию, что однажды ты всех накормил, всех евангелизировал. Ну и дальше, что ты будешь делать? Ты придешь к Богу? Что ты Ему скажешь? О чем ты будешь с Ним говорить? Что ты у Него спросишь? Ты ведь ожидаешь похвалы за то, что ты какой молодец, ты всех накормил.

И вдруг: «Ты всех накормил, но Меня-то ты не познал. Ты всех евангелизировал, но Меня-то не познал. Весь мир приобрел, а к душе своей ничего не прибавил».

Иной изнурял себя постами и ходил в веригах. И Господь ему скажет: «Послушай, ты вообще не понимал Меня, ты вообще не знал Меня, ты даже не интересовался Мной. Ты интересовался собой, своим характером, своим страданием, своим смирением, показывая его мне, Богу, свое страдание, свое смирение, свое сокрушение. Но ты это делаешь не для Меня.»

Апостол Павел говорит: «Для Бога ли вы поститесь? Для Бога ли вы принимаете на себя вот такой вид?»

Для Бога ли мы натужно улыбаемся и елейными голосками разговариваем друг с другом, не о Нём, а о том, как бы нам построить еще больше храмов, как бы нам еще больше людей евангелизировать, как бы еще больше нас, людей, привести к кажущемуся Христу, к Христу «в кавычках».

Почему в кавычках? Потому что очень часто мы под Христом понимаем свою проекцию положительного человека, а это не есть Христос!

И если ты посмотришь на Него и спросишь, ну, был ли Он положительным? Я скажу так, он был тем, кто Он есть — и не положительный, и не отрицательный. Он за пределами всех градаций. «Плюс-минус, хорошо-плохо, больше-меньше» — это что-то совершенно другое. Но мы хотим стать положительными. И приход наш в христианство во многом вызван тем, что мы хотим стать положительными. И это очень хорошая черта, значит мы понимаем, что мы не совершенны. А Он нам говорит: «Будьте совершенны, как и отец ваш».

Будьте! Не становитесь совершенными, но будьте совершенными. Это значит, что мы уже совершенны. Удивительно? Удивительно. А как же заповеди? А как же поведение? А как же этика? Как же мораль? Но вся эта этика, вся это «человеческая положительность» приводила к религиозным войнам, гонениям, закабалению и рабству. Вернее, не сама этика, в вместе с этой этикой и правильностью своего христианства люди не находили никаких препятствий творить все это.

А это значит, что ничего не помогало, все это ни на что не влияло, не меняло образа мысли человека и, соответственно, образа действия человека, ни тогда, ни сейчас. Существование в нецелостном, раздвоенном сознании никогда не может привести к какому-то положительному результату. Этот результат возможен только тогда, когда человек, общество, все человечество осмыслит себя в Боге и обретет единство.

Теперь мы живем уже в эпоху пост-христианства, и вполне актуальные вопросы и ответы, которыми раньше могло гордиться христианство, попросту забыты. Вряд ли кого-то в мире сейчас вдохновляют яростные проповедники или суровые монахи. Хотя и те, и другие делают правое дело, но не слышит их мир. Очевидно, что что-то пошло не так с осмыслением события Христа, что-то пошло не так с врастанием человечества в самого Христа, обретение крепкой и неразрывной связи с Ним.

«С нами Бог» было начертано на знаменах армии, кото-

рые ходили и опустошали соседние страны. «С нами Бог!». И церковь, которая является хранителем заветов Христа, жизни Христа, заповеди Христа, не только оправдывала все эти преступления, она их благословляла, а зачастую была их зачинщиком. И стоящие за этими церквями люди думали, что тоже понимали Христа и служили Ему.

Какие только темы и вопросы не находятся сейчас в фокусе внимания Церкви и верующих людей. Это и рождаемость, и проблемы сексуальных меньшинств, и голод, и безработица, и геополитика, и войны, бедность, богатство, президенты, селебритис, скандалы, деньги, все что угодно, даже Библия и христианская этика, даже Дух святой и пророческие дары….

Но все меньше и меньше только мы видим, слышим и ощущаем Того, ради Кого все это. Весь этот мир, все эти богослужения, храмы и здания, гимны и песнопения.

Все меньше и меньше мы слышим проповедей о Христе, читаем книг о Христе и, конечно, все меньше и меньше Христа в наших собраниях, в наших церквах, и в наших жизнях.

Тот, кто жизни своей не пожалел ради нас и ради нашего спасения «сшедшего с небес», зачастую чувствует себя в своей церкви пришельцем и гостем, ради которого «как бы все, но, как бы, и ничего».

Церковь увлечена стихиями мира, она их обличает, она освящается, она кормит голодных и лечит больных, идет к

народам, содержит телекомпании, винодельни, свечные заводы, она куда-то идет, особо не разбирая пути и не очень-то ориентируясь во времени, она куда-то прорывается, чему-то учится и учит, что-то провозглашает и, кажется, еще немного, еще чуть-чуть и вот-вот что-то произойдет. Придет Христос или, наоборот, не придет, не имеет никакого значения. Потому что мы прекрасно обходимся и без Него. Ведь у нас есть Писание, у нас есть догматы, у нас есть иерархия и у нас есть, в конце концов, Церковь и великое поручение.

Если все это у нас есть, то чего тогда нам недостает?

Поэтому волне себе разумен и обоснован вопрос Великого Инквизитора ко Христу: «Зачем ты пришел нам мешать?»

И тут все опять начинается с начала. Ведь религиозная душа готова воспринять любые формы, лишь бы не столкнуться лицом к лицу с живым Богом. Это могут быть формы активизма, добродеяния, миссии, обрядов, аскезы, молитвы, любого религиозного действа или экстаза. Но если они удовлетворяют душу, но не приводят ее на встречу с живым Христом, не дают ей войти в пространство покоя, где она, освободившись от своих стремлений и своего волевого начала, способна воспринять насаждаемое Слово…

Как Мария приняла в покорности насаждаемое Слово, и оно родилось, точно так же и душа должна успокоиться от всех форм своего бытия, прежде всего — от активизма. Ведь

активизм не спасает. Добрые дела хороши сами по себе, вне зависимости от того, делаем ли мы их из любви ко Христу, из жалости или по чувству долга, — они хороши сами по себе. Но религиозная душа принимает формы религиозной деятельности, а молитва сама по себе не спасает. Более того, даже Церковь сама по себе не спасает. Обряды, которые по сути своей спасительны, не спасают одной лишь формой.

Религиозная душа, пытаясь найти утешение, спасение от одиночества, невозможность функционировать в режиме покоя и принятия, ищет формы. И на своем максимальном круге она называет эти формы «служением Богу». И это служение Богу она приравнивает к Самому Богу, а свое служение — к своему спасению. Вот против чего говорит Христос в притче о Марфе и Марии. Против того, чтобы суета, движение, само действие заслонили Того, Кто пришел сейчас к тебе, Кто пришел сейчас говорить.

На каком-то этапе религиозной душе уже неважно, кто к ней пришел. Более того, ей уже и не нужно, чтобы кто-то приходил. Именно об этом «Легенда о Великом инквизиторе»: «Зачем ты пришел? Ты пришел задать нам вопросы, обличить нас, уличить нас в чем-то? Но нам и здесь хорошо. Мы проживаем свою жизнь, мы знаем, как ходить в церковь, как каяться, как принести жертву хвалы и жертву покаяния. Мы знаем, как зажечь свечи, как затихнуть в молитве, как

произнести Символ веры, как даже принять Святое Причастие. Мы всё это знаем, и эти формы нас удовлетворяют».

Но Христос идет дальше этих форм. Ведь Христос не оставляет нам никаких форм. Никаких, кроме Причастия, кроме хлеба и вина. Внешних форм «делания» больше нет. И даже те, кто преуспел в своем религиозном активизме, бесов изгоняли и многое делали во имя Его, услышат: «Отойдите от Меня. Я никогда не знал вас».

Вот о чем говорит Христос: «Остановитесь и познайте, что Я — Бог». Остановитесь, отрешитесь от всего. А потом уже дальше идите и творите добрые дела. Идите и научайте. Идите и проповедуйте. Идите на миссию. Но только после этой остановки.

Христос сказал народу:

> **«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»**
> *(Мтф. 11:28)*

Не научу, не отправлю, не расскажу, но успокою. Что бы успокоиться, чтобы познать, кто такой Бог. Успокою вас в знании кто такой Христос и как нам надо остановиться и жить в Нем.

> **«Остановитесь на путях ваших, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдёте покой душам вашим. Но**

они сказали: «не пойдём».
(Иеремия, 6:16)

Интересно, вместо похода внутрь Бога, народ сразу избрал поход куда-то дальше, за пределы Бога, поход мимо Бога, ну, на крайний случай, поход с Богом, так чтобы Он шел как столп и огонь, но туда, куда идет сам народ. Внешнее делание.

Поэтому чтобы понять кто мы, где мы, что происходит, нам нужно вернуться очень и очень далеко назад, и вновь, и вновь, и вновь расспросить Бога о Том, кто есть Христос. Это наше начало, это исток всего, есть и конец, и возвращение и в конечном итоге все наши проповеди и программы, проекты и активности обречены, если это все — не Христос.

Все наше сердце, все наши эмоции, вся наша воля и вся наша телесность, наша семья и наш брак, наши дети и наши испытания, наши страдания и победы не имеют никакого смысла, если все это — не Христос.

Христос не просто «вещь высшего порядка» в пантеоне вещей, как считает современный человек, Христос не просто какой-то «Сын Божий», который раньше приходил, потом вознесся, и мы должны прийти к Нему, произнести молитву, креститься, покаяться и вести примерный образ жизни, делая добрые дела, и так спасемся. Нет! С другой стороны, Он и не «парень с нашего двора», с которым мы по-свойски можем перекинуться парой слов, снисходительно отвесить поклон или попросить подкинуть на расходы, устроить

все, что пока не устроено, и пойти по своим делам.

> «**И беспрекословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознёсся во славе».**
> *(1 Тимофею, 3:16)*

О тайне Христа, тайне Боговоплощения, преображения всего творения, начиная от Космоса, включая природу, материю, стихии земли и неба и самого человека, его разум и душу через соединение со Христом и стоит лишь говорить.

Потому, что только в этой Тайне залог нашего спасения, только в этом нам открывается путь Богопознания и преображения на путях Святого духа.

Только такое радикальное понимание и исповедание Христа, пришедшего во плоти, распятого, умершего и воскресшего, позволяет нам во всей полноте не просто прочесть Евангелие, но и на самом деле жить в Божьем присутствии, переживая Божью любовь и быть сопричастниками Божеского естества, входя в реальность Бога. В абсолютной полноте быть включенным в Божий план спасения и воссоединения всего во Христе.

Мы фактически заново должны прочесть, понять и открыть то, что Бог хотел нам сказать в Своем Сыне, понять вселенский масштаб священнодействия Христа и перестать воспринимать Его не просто как «спасителя человеков» — доброго проповедника из Назарета, совершенного человека.

Перестать думать, что Христос дополнение к нашим идеям или проповедям, к нашему богословию, что эпоха Христа прошла, и что теперь есть у нас какие-то другие откровения, что Христос сделал свою работу на кресте, и теперь если мы хотим спастись, надо прийти ко кресту и потом уже пойти дальше по пути каких-то новых открытий. Вспоминать о Нем в праздники, соответственно, Рождества и Пасхи, отдавая Ему положенные почести, а в остальное время проводить какие-то изыскания в области строительства церквей, миссиологии, созидания христианского брака и воспитание подрастающего поколения в духе христианской этики, написанием стратегий и концепций завоевания мира и обустройства церковного быта.

На самом деле христианство очень простое с одной стороны, а с другой стороны очень сложное, но простое оно, потому что, что, может быть проще человека, из плоти и крови человека, которого мы видим человека, которого мы слышим, человека, которого мы можем потрогать, человека, с которым мы можем вступить в диалог поговорить о чём-то понять высказать своё отношение к тому, что он произносит сформировать какой-то своё мнение об этом человеке. То есть с этой стороны ничего нет, ничего сложного. Ну, с какими-то человеками мы выступаем в длительные взаимоотношения, дружеские взаимоотношения, с какими-то людьми мы конфликтуем, каких-то людей мы просто не переносим, то есть, в принципе, мы понимаем, что такое человек. С дру-

гой стороны, мы не понимаем, что такое человек. И в конце концов мы абсолютно не можем понять, как это Бог стал человеком. Что это значит? Как осознать то, что ответ на вопрос: «Кто есть Христос, кто есть Бог?» мы должны искать не где-то в небе, а где-то в человеке. Приняв образ человека, Христос все священное, все неведомое, все тайное, все непостижимое и все торжественное, все сакральное свёл просто к человеку. Все стало максимально просто, но с другой стороны это максимально усложнило этот поиск, потому что искать в человеке Бога — это вообще выше всякого понимания.

Искать Бога в себе это вообще практически невозможно, потому что, когда Бог наверху, когда Бог — герой, когда Бог — кто-то совершенно неведомый, который если явится на землю, то непременно с шестнадцатью легионами ангелов, а никак не иначе, и будет судить, и миловать, и карать — потом сожжет всех, кого надо, а кого не надо сжигать, те заживут совершенно счастливой жизнью — вот эти концепции очень и очень понятны. Вот этого превращения «доброго Иисуса» в некую космическую «надмировую» силу, которая придет и установит насилием свое господство и наконец-то удалит от нас зло и развратителей, и главного развращающего, и тогда заживем — это очень и очень отвечает нашему человеческому, плотскому уму. Очень нам нравится, ведь, по справедливости же — «хватит, настрадались». Нам главное хранить себя от зла, не унывать и беспрерывно евангелизировать и

спасаться. А там Господь отличит своих и сам разберется во всем.

Если Господь придет, то Он, соответственно, вряд ли придет в образе человека. Все фантастические романы и фильмы, которые мы видим, где мы встречаемся с Богом или с богами, там боги-нечеловеки, они совершенны, они абсолютно не похожи на людей. Они гораздо сильнее, гораздо мощнее, они сокрушают всё, уничтожают, рушат неправильное, старое, чтобы построить правильное, светлое, новое.

Да, что там фильмы, мы же читаем Апокалипсис, там все правильно, а главное, по справедливости, написано. Было время покаяться и прийти к Богу, теперь время суда. В таких серьезных делах как суд и уничтожение нет времени размышлять над «слезинкой ребенка».

И вот посреди всего этого устойчивого представления о Боге, Иисус приходит как сын плотника, царь и Бог въезжает в свой город на осле. Вот так вот на осле, смеясь, и тролля всех.

Иисус ускользает от всех наших устойчивых представлений о Нем. И если въезд Царя в Иерусалим мы еще как-то сумели подтвердить писанием, то весь его жизненный путь он не вписывается ни в писания, ни в представления о нем того поколения, ни тем более мнения сегодняшнего.

Он не стал и точно больше не будет заложником никаких измышлений и размышлений о нем, он уже разрушил все наши представления, разрушил все наши ожидания, разрушил

все наши мечты и дальше будет рушить. Он разрушил все наше сакральное, разрушил все наше таинственное, разрушил все наше нагромождение смыслов, которых по сути нет и не было, смыслов и устойчивых конструкций, потому что это уводит взгляд человека от истинного Бога, к вымыслу.

Христос пришел так, чтобы мы видели и осязали. Апостол Иоанн сказал, что мы слышали и видели, и осязали Слово, и это слово было среди нас — вот где нужно искать смысл, где нужно искать начало вхождения в это Богообщение.

Ни на горе Синай, ни на горе Горизим, ни у стены плача, ни в валаамских болотах, ни в египетской пустыне. Не там нужно искать точку вхождения, поэтому сам Христос сказал, что неважно, где ты поклоняешься на горе ли или в храме ли, ты можешь придавать этому какое-то сакральный смысл, но в этом нет никакого смысла, ибо «Я есть храм, Я есть дверь, Я есть гора».

Христианство — это не доктрина, не богословие, даже не молитва и богослужение, проповедь и литургия.

Христианство — это сам Христос.

Без него не начало быть, что начало быть. Без Него мы не поймем не только плана спасения (что очень мощно, но все же меньше по объему вселенского замысла Бога), не только, кто такой человек, не только, что такое Земля и Творение. Без Христа невозможно понять Кто такой Бог. Очень часто мы занимаемся толкованием, размышлением и чтением Писания, вырывая или оставляя Христа за скобками на-

шего размышления или проповеди. Думая, если сейчас эпоха Церкви, если сейчас эпоха Духа святого, и мы видим мощные проявления, то Дух святой придет и все растолкует нам. Христос в наших кругах очень часто заменен на Святого духа, который должен нам показать мощнейшие проявления, пророчества и чудеса. И вот за этим то «новым откровением» огромное количество людей и идет, зачастую отложив в сторону вопрос о Христе.

Очень важный вопрос, почему мы все-таки еще раз, еще раз, еще раз возвращаемся к тайне Христа. Ведь действительно, по идее, христианство достаточно раскрыто, достаточно понято. В общем-то, у нас есть догмата, у нас есть структура, у нас есть иерархия, у нас есть церковь, которую основал Петр. У нас есть традиция. Для тех, кто признает традицию, традиция есть в каждой религии, в каждом направлении христианства есть свое предание, которое обогащает, раскрывает, где-то дает какие-то более точные картины, дает более глубокое понимание событий, дает более точное и тонкое или другое понимание текстов, собственно говоря, плодит новые тексты, как-то их обобщает. Но почему мы опять и опять возвращаемся к личности Христа? Неужели есть какое-то тайное знание, о котором говорили гностики? Неужели есть какие-то тайны, которые не открыты простым людям? Никакого тайного учения, наверное, нету, но есть более глубокое понимание. В одном месте Павел говорит «я разговариваю с вами как с душевными, потому что

душевный не понимает духовного, но в каких-то местах я разговариваю с вами уже как с духовными. И тогда то, что я говорю вам как духовным, все эти вещи, они отвергаются и не понимаются людьми душевными».

Поэтому, наверное, можно градировать наше понимание и наше погружение в христианство, во Христа, вот этими вещами духовными и душевными. Действительно, если мы занимаемся буквализмом, если мы занимаемся таким материальным строительством во всех смыслах этого слова, то есть для нас важна не идея, для нас важен не дух, а все-таки для нас важен или историзм события, или нам важно видимое воплощение, или нам важно какое-то осязание, плоды наших трудов (они должны быть нам видимы).

Поэтому мы считаем прихожан церкви, считаем, сколько людей ходит к причастию, сколько священник в этом месяце совершил крещений, сколько сочетал церковным браком. Это очень важные такие видимые, исчисляемые знаки. Если мы мыслим так, то, конечно, духовные вещи о космическом Христе они просто непонятны, с одной стороны. А с другой стороны, как хорошо сказал один протестантский проповедник, ну, а что это меняет? Как это соотносится с моим спасением? Ну, наверное, для него это ничего не меняет и никак не соотносится с его спасением, потому что он верит буквалистски: вот вода, что мешает нам креститься? Вот я крестился, вот я произнес молитву покаяния, все, я спасен, дальше я должен жить, исполняя заповеди Христовые. Это

прежде всего, трезвясь и бодрствуя над своей плотью, то есть — не допуская греховных поступков, не допуская греховных желаний, а совершая их, немедленно прося покаяния и беспрерывно обещаю Богу добрую совесть. И дальше я живу и делаю дела для Христа. Вот, в принципе, такая жизнь. И, по сути, вот и вся духовная жизнь — полное отсутствие духовной жизни, подделка духовной жизни. Это просто идеологические надстройки, а не приобщение к тайне, которую Бог сообщил людям через Христа.

Бог для нас или суровый такой мужик, или новомодное в наших кругах «папочка», эти «папа — может», «папочка сказал», «папочка обещал» — дурновкусие и некоторая фамильярностью. Но в любом случае у нас в голове лица Святой Троицы выставлены по ранжиру: Иисус — Святой Дух — Бог Отец или наоборот, Отец — Христос — святой дух, — в общем по-американски: «парень, который там, на небесах», его сын и облачко.

Сложно нам начать думать и тем более говорить о Боге внутри себя, об откровении внутри тебя самого, о понимании Бога в своей душе или о Рождении Слова в тебе. Не говорим, потому что не понимаем. Тысячелетия изучения характера Бога и бесчисленные молитвы нечего не изменили.

Бог так или иначе где-то наверху. Оттуда он мечет молнии и громы, наказывает грешников, зорко следит за соблюдением заповедей и жестоко наказывает проштрафившихся граждан. Кроме того, Он посылает «глады и моры», эпиде-

мии и землетрясения, развивает те или иные страны, дает им задания, в общем занимается кучей всяких разных вещей, кроме одной, которой Он, по сути, и занят — Любит человека.

С момента начала Творения — с момента, когда Бог «вначале сотворил небо и землю…» нет больше у Него никакого дела, кроме как любить человека, показывать свою любовь и приглашать человека внутрь Себя. Любить свое Творение. Убедить творение что Он есть Благо и вовлечь творение в это вечный танец любви в Троице.

И мы говорим, что главная задача Бога и главная его ценность, и то, что ценно в его глазах, это любить человека, заботиться о человеке. То есть, это значит, что вопросы, которые для человечества являются судьбоносными, они его мало интересуют, потому что, когда он был на земле, он продемонстрировал свое всяческое пренебрежение этими кажущимися важными вопросами. Мы ведь думаем, что Бог очень сильно вовлечен в политику, в геополитику, благословляет какие-то страны, потому что там его хвалят.

Его тогда совершенно не интересовала Иудея, будет ли она свободной или она по-прежнему будет под властью римлян. Будет ли храм стоять, или будет храм разрушен, и будет ли он восстановлен. Вот почему я думаю, что его мало интересует возведение третьего храма, но ровно столько же, сколько его интересовало возведение Вавилонской башни, когда люди пытались ее построить, залезть на самый верх и

уже ухватить его за бороду, или низвергнуть его с престола, или задать ему вот эти вот судьбоносные вопросы, извечные, в к мучают людей, живущих и живших в нашей стране.

Возможно так Господь относится ко всякому нашему активизму, так называемому. Весь наш активизм, который обращен вовне, который обращен куда-то, он его мало интересует. Также его мало интересует экономика, финансы, деньги. Деньги вообще его абсолютно не интересуют, вопреки устоявшемуся мнению. Но люди, проповедующие про деньги, говорящие за деньги, говорящие о преуспевании, говорящие о благодати Божией, выраженной в денежных знаках и записях на счетах, и огромном количестве имения, множеству коров, раньше валов, раньше верблюдов, раньше теперь заводов, газет, пароходов, акций. Они не понимают того, что Иисус не прикасался даже к деньгам. То есть все, что, возможно, попадало к нему в качестве какого-то дара, пожертвования, он даже этого не касался. Брал ли он оттуда себе на одежду? Думаю, вряд ли. Брал ли он оттуда себе на какие-то курорты? Вряд ли. Он даже не брал оттуда деньги, чтобы накормить ту толпу, которая пошла с ним в пустыню. О чем же мы говорим? Он накормил чем? Собой, чудом своим. Своим чудом. Накормил только тех, кто дошел до того места, где они сели на привал. И когда его спросили, когда он стоял в окружении своих учеников, не хочет ли ваш учитель подать кесарю, он сказал рядом стоящему «пойди закинь невод, вытащи, там будут деньги, отдай им, чтобы они больше не бес-

покоили меня». То есть вопрос денежной составляющей его не волновал, но нам кажется, что очень сильно волновал. И поэтому мы говорим, ну это же суть наша, это же жизнь наша. Ну, вот если ты говоришь, что это суть наша и жизнь наша, то это твоя жизнь и твоя суть. И тогда действительно сложнее или даже проще верблюду войти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие. Нет, Иисуса не волновали мелкие вещи, Его не волновали временные вещи, Его не волновали вещи, которые отнимают его время от времени с Богом, от времени с человеком. Такое горизонтальное и вертикальное взаимоотношение Иисуса со своим Отцом, которому он молился всегда втайне, никогда не выставляя эту молитву напоказ, и взаимоотношения с рядом стоящим, тем, кто готов, дать ему возможность себя полюбить, дать ему возможность что-то сказать, дать ему возможность омыть ноги. Вот это было главным фокусом его внимания. Больше ни на что он не обращал внимания. И если мы смотрим на жизнь Христа, то вот это главные вещи. Все остальное второстепенное.

Иисус здесь — концентрированное выражение любви Бога к человеку. Бог, ставший человеком, чтобы человек стал богом.

Вот именно с этих позиций нам следует читать жизнь Христа, понимать замысел Бога, отвечая самим себе на массу вопросов, имевшихся и появляющихся раз за разом, на которые в иной парадигме ответить просто не представляет-

ся возможным.

Кто есть Христос

В Евангелиях Иисус с человеческой точки зрения довольно нескромен. Он всегда и везде не перестает говорить о себе.

Если сейчас спросить среднестатистического прихожанина на церковной скамье, о чем больше всего и чаще всего говорит Евангелие, или о чем вообще Библия, о чем чаще всего говорил Христос, то ответы могут интересными, разнообразными, и полярными. Правда в том, что Христос больше всего говорил о себе.

Помните:

> **— Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда**
> *(Иоанн 6:35) ХЛЕБ ЖИЗНИ*

> **— Я есмь хлеб жизни.**
> *(Иоанн 6:48) ХЛЕБ*

> **— Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.**
> *(Иоанн 8:12) СВЕТ МИРУ*

> **— Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и**

жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет
(Иоанн 11:25) ВОСКРЕСЕНИЕ И ЖИЗНЬ

— Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.
(Иоанн 14:6) ПУТЬ ИСТИНА И ЖИЗНЬ

— Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий.
(Иоанн 11:4) СЫН БОЖИЙ

— Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее
(Мтф 11:9) СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

— Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела.
(Иоанн 14:10) ОТЕЦ ВО МНЕ

— итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я — дверь овцам.
(Ин, 10:7) ДВЕРЬ

— Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый

полагает жизнь свою за овец
(Ин, 10:11) ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

— Верьте Мне, что Я — в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам
(Ин 14:11) Я и ОТЕЦ ОДНО

Иисус сам, не дожидаясь того, что люди сами Его классифицируют, дадут определение и положат куда-то на полку, на свое место, говорит о Себе массу вещей, с одной стороны, а с другой, из этих вещей в общем то непонятно, собственно говоря, Кто Он и есть. Ну да, мы как физиологические организмы понимаем, что такое хлеб и даже понимаем, что такое «вода живая и хлеб жизни», различаем, благодаря закону, что такое истина и не истина, знаем, что такое дверь и кто такие овцы. Но связать это с пришедшим во плоти Богом не можем. Вернее, с Богом, который на небе, еще как-то можем, потому что Бог на небе, творит что хочет, может быть и дверью, и запертыми воротами, может быть и добрым, и злым, но вот Человек, который сам себя не называет Сыном Божьим, он такое говорит о Себе. И здесь есть «претыкание и соблазн».

Поэтому первые христиане триста лет спорили о том, кто такой Христос. Это ведь не в один день пришло: Он сказал, и мы поняли. Кто-то записал, мы прочли и поверили. Нет. Более того, тот, кто ходил рядом с ним, слушал и спрашивал, видел чудеса и лицезрел нетварное сияние — они-то вообще ничего не поняли.

И люди, ходившие со Христом, и названные потом апостолами, до поры до времени никакими героями веры и не были. Они стали таковыми, когда Сам Господь открыл им глаза и уши к уразумению писаний, Дух святой посетил и напомнил им все, что говорил Христос. А так — они были вполне себе людьми. Людьми некнижными, недалекими, абсолютно простыми, хитрыми где-то, боязливыми и эгоистичными, жестокими в чем-то и добрыми, отзывчивыми и злопамятными — словом, они были такие, как мы. Ничуть не лучше. Это нужно понять, потому что Бог открывается всем. И в общем-то нет никаких героев веры, нет никаких избранных и особенных. Все для Бога одинаковы. Все одинаково могут раскрыть Бога, одинаково Его понять, все могут одинаково воспринять, и не надо для этого быть очень умным или очень глупым, очень рефлексирующим или очень простым. Надо быть тем, кто ты есть. Универсальный Бог, Он:

> **«… повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».**
> *(От Матфея, 5:45)*

и это значит, что нет для Него никакой разницы, а еще потому, что все лишены славы Божьей, и так называемые праведные, и так называемые неправедные, Бог хочет, чтобы все спаслись, не только наш народ, не только хорошие, не только умные или члены нашей церкви.

Нет — Бог универсален. Он для всех народов, для каждо-

го человека, независимо от того, кто ты и где родился.

Бог — Бог каждого человека. Потому что он сам говорит, смотри:

> **«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою».**
> *(Быт, 2:7)*

Что ж такое дыхание, и что непосредственно вдохнул Бог, если Он говорит о себе — «я есмь и путь, и истина… и жизнь». Дыхание — жизнь. Жизнь — Бог. Попробуй сам на этих простых словах понять собственно говоря, почему все это позволило великому Августину сказать таинственный и пронзительные слова: «**Бог ближе к человеку, чем он сам к себе»**. И это не просто фигура речи.

Бог стал к нам ближе не когда пришел Иисус, Он всегда был близко.

> **«Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги *его* были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовём Его».**
> *(Втор 4:7)*

Поэтому то отсюда эти символы: вода, хлеб, жизнь — вроде очень простые и совсем никак не духовные, никак не величественные, никак не похоже на громкие имена и прозвища Бога, которые мы читаем в Ветхом завете: Господь наш — господь Целитель, Господь — знамя наше (Иегов РафА, Иагова — Нисси) и тп.

Нет, нет, нет. Совсем простые вещи, но имеющие отношение к нашей, можно так сказать физиологии, непосредственно к процессу жизнедеятельности.

Запомним это момент.

О чем это свидетельствует?

Только Сам Бог, пришедший во плоти, понимает, что только Он сам, Он, ожидавшийся и пришедший так, как и хотел, но не так как Его ожидали, исполнивший свою миссию. но оставивший народ и учеников в полном недоумении от произошедшего, является ключом ко всему. Ко всем тайнам, включая тайну космоса и жизни человека, тайну рождения и смерти, тайну смысла жизни и всего Творения. Никакие рассуждения, никакие толкования, никакая философия, и даже никакие культовые сооружения, вроде Иерусалимского Храма вместе со всей атрибутикой и кругом богослужения, жертвами и праздниками не являются тем самым искомым абсолютом, той самой искомой истиной, от которой все и которая есть смысл всего.

И мы знаем фразу «писание толкует само себя». Но до мысли что Бог толкует сам себя почему-то не додумались, или додумались, но опустили ее, как незначащую.

Он сам есть абсолют. Он сам есть смысл. Он сам есть истина. Он сам есть путь и цель. В конечном итоге, Он сам причина всего и завершение всего.

«Ибо всё из Него, Им и к Нему. Ему слава

вовеки, аминь».
(Римлянам, 11:36)

Ключевой стих к пониманию не просто исторической, как любят сейчас говорить, но космической Миссии Христа.

Ведь Он воистину пришел не просто сделать какие-то дела на Земле, чтобы у верующих в Него в руках вместо змеи оказалась рыба, и хлеб, вместо камня, правда же? Он же пришел не просто исполнить чьи-то ожидания, и кого-то от чего-то освободить и избавить, хотя на уровне материи и творения, Он это сделал.

Нет. Он пришел потрясти основы мира. В момент Его прихода и в момент Его воскресения все основы мира, который жил по своим законам, по своим правилам и далеко отошел от замысла Бога, были поколеблены. Весь мир стал другим. Он невидимым образом преобразился.

Камни и пустыня помнят Его следы. Вечный город видел Своего царя, эти стены и улицы навеки вобрали в себя Тайну Воплощения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.